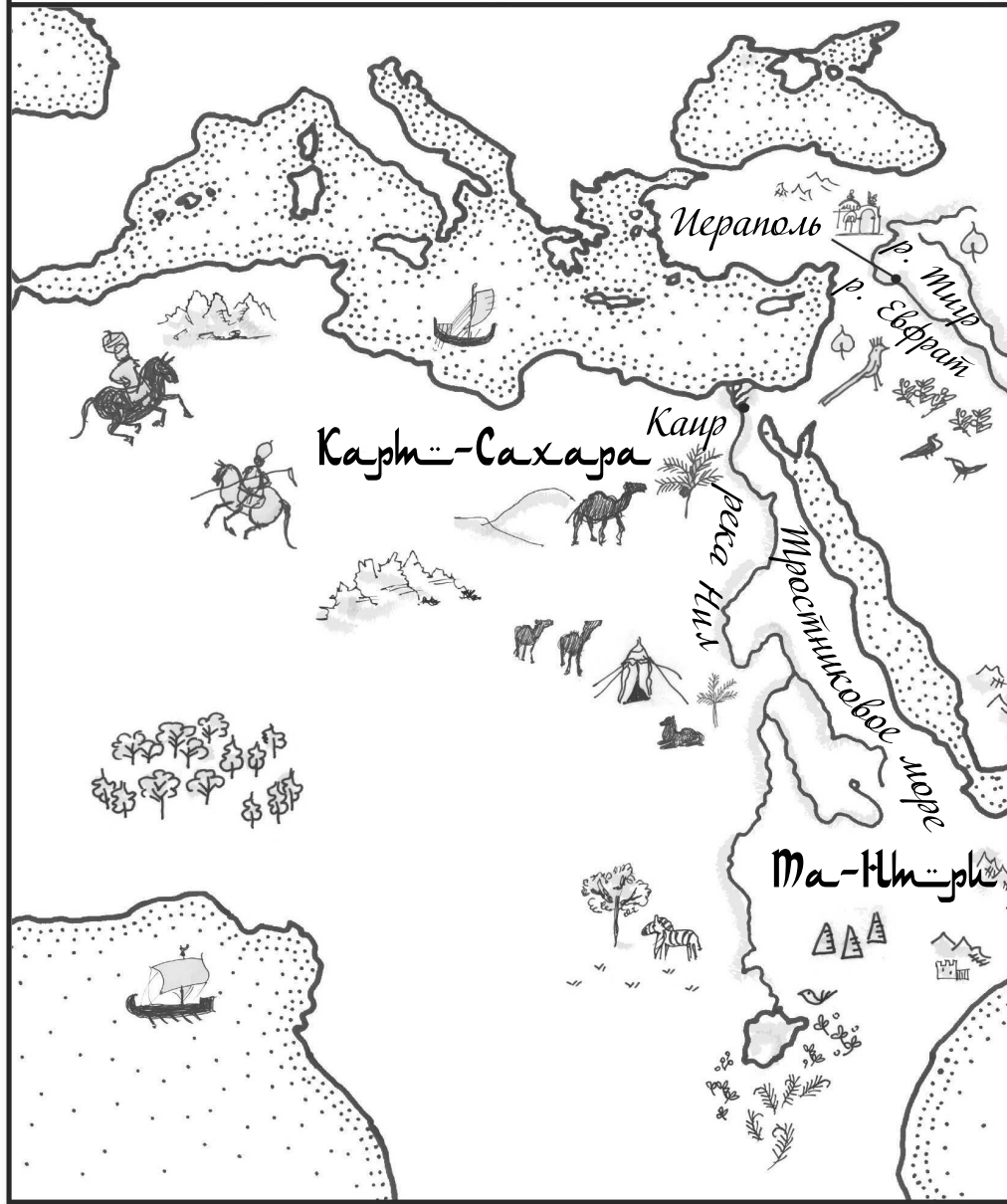
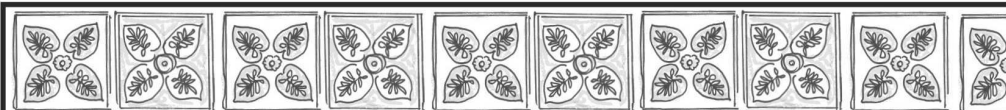
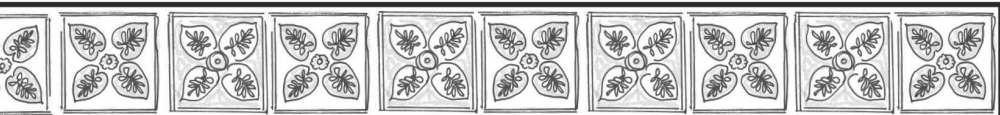
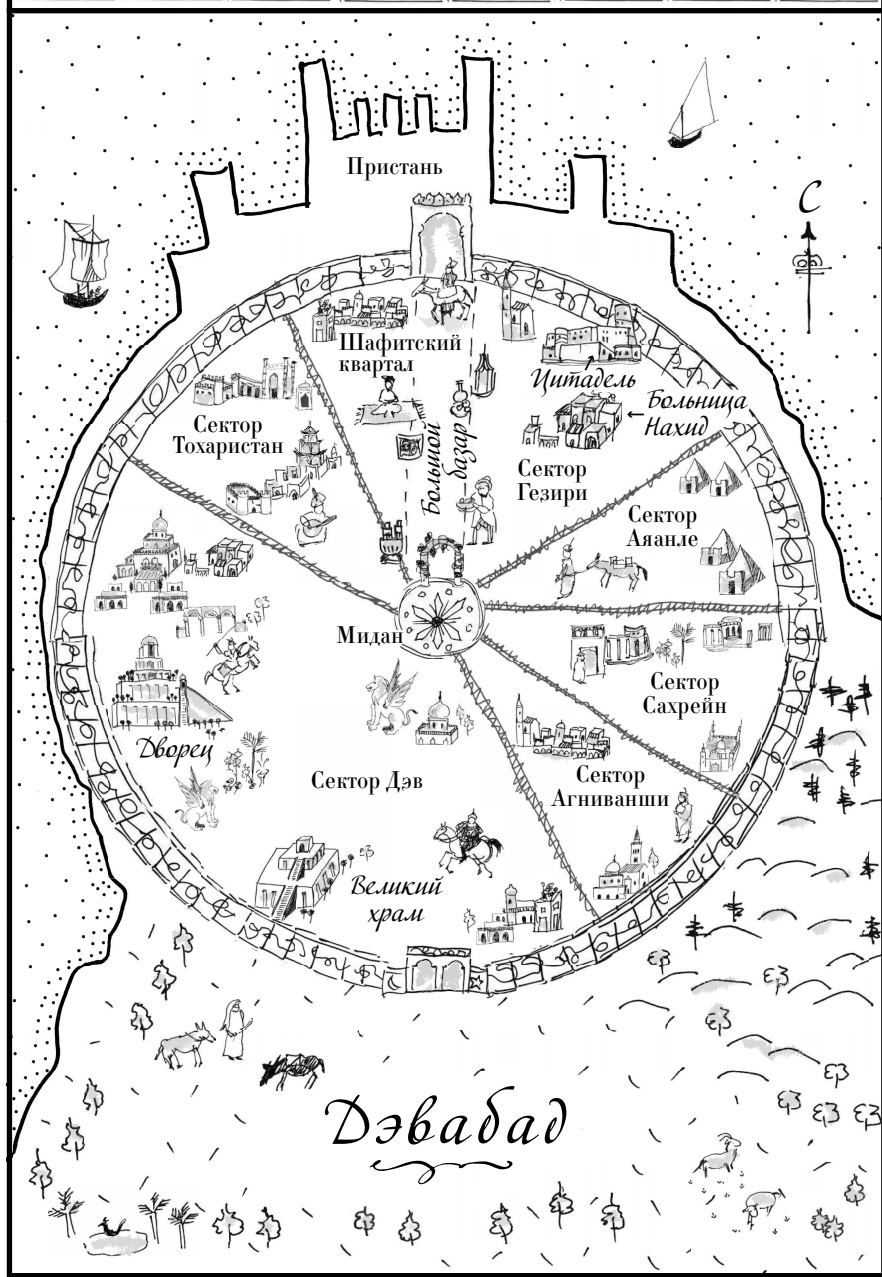
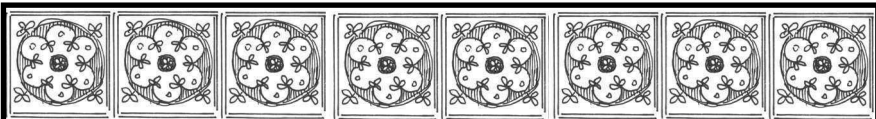

Посвящается Шамику

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ

В настоящее время Дэвабадом правит династия Кахтани, потомков Зейди аль-Кахтани, гезирского воина, который много веков назад возглавил восстание, в ходе которого Совет Нахид был свергнут, а шафиты восстановлены в правах.

ГАСАН АЛЬ-КАХТАНИ, правитель волшебного царства, защитник веры.
МУНТАДИР, старший сын Гасана от первой жены-гезирки, будущий преемник короля.

ХАЦЕТ, королева-аяанле и вторая жена Гасана, происходящая из влиятельного семейства в Та-Нтри.

ЗЕЙНАБ, дочь Гасана и Хацет, принцесса Дэвабада.

АЛИЗЕЙД, младший сын короля, высланный в Ам-Гезиру за измену.

Свита и Королевская стража

ВАДЖЕД, каид и главнокомандующий армии джиннов.

АБУ НУВАС, гезирский офицер.

КАВЕ Э-ПРАМУХ, старший визирь, Дэв.

ДЖАМШИД, его сын и приближенный эмира Мунтадира.

АБУЛ ДАВАНИК, торговый посол из Та-Нтри.

АБУ САИФ, старый солдат и скаут на службе в Королевской гвардии.

АКИСА и ЛЮБАЙД, воины-мародеры из ам-гезирской деревни Бир-Набат.

БЛАГОСЛОВЕННЫЕ ВЕРХОВНЫЕ НАХИДЫ

Нахиды, исконные правители Дэвабада и потомки Анахид, были потомственными целителями из племени Дэв с выдающимися магическими способностями.

АНАХИД, избранница Сулеймана, первоосновательница Дэвабада.

РУСТАМ, один из последних Нахид, талантливый ботаник, павший от руки ифрита.

МАНИЖА, сестра Рустама и одна из сильнейших за много веков целительниц, павшая от руки ифрита.

НАРИ, ее дочь, отец неизвестен, в младенчестве оставлена на человеческой земле, в Египте.

Их сторонники

ДАРАЯВАХАУШ, последний из рода Афшинов, кастровой восновой династии Дэвов, служившей одесную Совету Нахид, получивший прозвище Бич Кви-Цзы за жестокие действия, учиненные им в ходе войны, и последующий бунт против Зейди аль-Кахтани.

КАРТИР, верховный жрец Дэвов.

НИЗРИН, некогда помощница Рустама и Манижи, а теперь — наставница Нары.

ИРТЕМИДА, МАРДОНИЙ и БАХРАМ, воины.

ШАФИТЫ

Население смешанной, произошедшей от людей и джиннов расы, вынужденное проживать в Дэвабаде, значительно ограниченное в правах.

ШЕЙХ АНАС, прежний лидер «Танзима» и ментор Али, казненный королем за измену.

СЕСТРА ФАТУМА, лидер «Танзима» и надзирательница за сиротским приютом и благотворительной деятельностью ячейки.

СУБХАШИНИ и ПАРИМАЛ СЕН, лекари-шафиты.

ИФРИТЫ

Дэвы, несколько тысячелетий назад отказавшиеся покориться воле Сулеймана, за что и были им прокляты; смертельные враги Нахид.

АЭШМА, главный ифрит.

ВИЗАРЕШ, ифрит, напавший на Нары в Каире.

КАНДИША, ифритка, поработившая и убившая Дару.

ОСВОБОЖДЕННЫЕ РАБЫ ИФРИТОВ

После бесчинств, учиненных Дарой, и его смерти от руки принца Ализейда те джинны, которых целители Нахиды много лет назад освободили из рабства и воскресили, оказались подвергнуты порицанию и преследованиям — только трое из них остались в Дэвабаде по сей день.

РАЗУ, авантюристка из Тохаристана.

ЭЛАШИЯ, художница из Карт-Сахара.

ИССА, ученый и историк из Та-Нтри.

ПРОЛОГ

Али

Ализейд аль-Кахтани не протянул и месяца со своим караваном.

— Бегите, принц, бегите! — вскричал единственный Аяанле из всей свиты путешественников, ворвавшись как-то ночью в шатер к Али, когда они стояли в лагере, разбитом на побережье южного изгиба Евфрата.

Прежде чем он успел что-то добавить, из его груди вырвалось окровавленное лезвие.

Али вскочил на ноги. Он уже успел схватиться за оружие, распорол заднюю стену шатра взмахом своего зульфикара и бросился в ночь.

Его преследовали всадники, но невядалеке сверкали воды Евфрата, черные от обильной звездами ночи, отраженной в текучей поверхности реки. Уповая на то, что оружие закреплено надежно, Али сиганул в воду, как только были выпущены первые стрелы, из которых одна просвистела прямо у него над ухом.

Ледяная вода сковала нервы, но Али плыл быстро — движение давалось так же инстинктивно, как ходьба, — быстрее, чем когда-либо в жизни, с грацией, которая поразила бы его самого, не будь он так занят, спасаясь от верной смерти. Стрелы шлепались рядом с ним в воду, догоняя его, и он нырнул глубоко, пока вода вокруг не помутнела. Евфрат — широкая река, и прошло некоторое время, пока он добрался до другого берега, продираясь сквозь водоросли и сражаясь с бурным течением, так и норотившим утянуть его за собой.

И только когда он выполз на противоположном берегу, на него снизошло тошнотворное озарение: за все это время ему ни разу не пришлось выныривать за глотком воздуха.

Али ахнул и поежился, когда холодный ветер пронизал его намокшую дишдашу. От груди накатила тошнота, но времени, чтобы обдумать случившееся в реке, не было — не тогда, когда лучники верхом на лошадях топтались на другом берегу. Его шатер был охвачен огнем, но весь лагерь был невредим и подозрительно неподвижен, словно остальные путники его каравана получили немой приказ не обращать внимания на крики, которые они могут услышать этой ночью.

Али предали. И задерживаться здесь, чтобы выяснить, кто из ассасинов или сопровождавших его предателей сумеет переправиться через реку, он не собирался. На шатких ногах он поднялся и бросился спасаться бегством, устремившись прямо к протянувшемуся впереди горизонту.

Когда его ноги наконец подкосились, занималась заря. Он упал и с разбегу приземлился на золотой песок. Река осталась далеко позади. Со всех сторон его окружала пустыня и яркая, опрокинутая чаша жаркого неба.

С трудом переводя дыхание, Али окинул взглядом замершую природу, но он был один. Он не знал, что чувствовать — облегчение или страх. Он был *один*, и впереди простиралась бескрайняя пустыня, а за спиной оставался враг. При себе у него были лишь зульфикар и ханджар. Ни еды, ни воды, ни крова. Он не успел прихватить даже тюрбан и сандалии, которые могли бы защитить его от зноя.

Он был обречен.

Глупец, ты был обречен с самого начала. Твой отец ясно дал это понять. Изгнание Али из Дэвабада было смертным приговором, ясным как день всякому, кто что-то смыслил в политических механизмах внутри его племени. С чего он взял, что сумеет преодолеть это? Что его ждет легкая смерть? Если бы отец желал ему легкой смерти, он бы отдал приказ задушить своего младшего сына в стенах королевского дворца.

Впервые сердце начали сдавливать тиски ненависти. Он не заслужил такого. Он пытался помочь своему городу и семье, а Гасан не мог расщедриться даже на тихую смерть?

Глаза защипали злые слезы. Али сердито стер их с чувством презрения. Нет, он не закончит свои дни, рыдая от жалости к себе и посылая проклятия семье, пока он чахнет в безымян-

ной луже песка. Он — Гезири. Когда пробьет час расстаться с жизнью, его глаза останутся сухими, с губ сорвется хвала Всевышнему, а рука будет сжимать меч.

Он усталился на юго-запад, где была его родина, в направлении, в котором всю жизнь направлял свои молитвы, и впился пальцами в золотой песок. Али проделал ритуалы, необходимые для очищения перед молитвой — ритуалы, которые повторял по нескольку раз на дню с тех пор, как его обучила им мать.

Закончив с этим, он поднял ладони и закрыл глаза, уловив едкий запах песка и соли, въевшийся в его кожу.

«Направь меня, — взмолился он. — Защити тех, кого мне пришлось покинуть, и когда пробьет мой час... — к горлу поступил комок. — Когда пробьет час, молю, будь ко мне милостивее, чем мой отец».

Али приложил пальцы к своим бровям. А затем поднялся на ноги.

Не имея ничего, что сориентировало бы его в обширных нетронутых песках, кроме солнца, Али двинулся вслед за его неуловимым путешествием по небосклону, сперва стараясь не обращать внимания, а вскоре привыкнув к беспощадному пеклу на своих плечах. Горячий песок обжигал его босые стопы — а потом перестал. Он был джинном, и хоть он не мог стать дымом и скользить меж барханов, как могли его предки до Сулейманова благословения, пустыня не убьет его. Он шел день за днем, пока не одолеет усталость, делая остановки только на сон и молитву. Под ярким белым солнцем его мысли, его отчаяние по поводу того, как бесповоротно искалечена его жизнь, уплывали и растворялись.

Его терзал голод. Но пить не хотелось — жажда не мучила Али с тех самых пор, как им овладел марид. Он старался не думать о том, что это может значить, игнорировать новый неуемный крашек сознания, получавший наслаждение от влаги — которую Али ни в какую не хотел называть потом, — которая выступала у него на коже и градом текла с рук и ног.

Он не знал, как долго он брел, когда пейзаж наконец не изменился, и из-за барханов поднялись каменистые скалы, как огромные цепкие пальцы. Али рыскал по кряжистым утесам

в поисках любого намека на еду. Он слышал, что гезирские сельские жители способны наколдовать целый пир из человеческих объедков, но Али никто не научил подобной магии. Он был рожден принцем, воспитан стать каидом, и всю жизнь, не ведая забот, был окружен прислугой. Он ничего не знал о том, как выживать в одиночку.

Измученный голодом и отчаянием, он съел каждую травинку, какую ему удалось найти, вместе с корешками. Но зря. Наутро он проснулся с чудовищным отравлением. Пепел сыпался с его кожи, и его долго рвало, пока изнутри не стала выходить только пламенно-черная жижа, прожигающая землю.

В поисках тенька, чтобы немного прийти в себя, Али пытался было спуститься с утеса, но его так мутило, что в глазах плясали мушки, и тропа перед ним поплыла. В тот же момент он остушился, поскользнувшись на камешке, и покатился вниз по крутому склону.

Он больно приземлился в расселину скалы, левым плечом врезавшись в выступающий бульжник. Что-то влажно хрустнуло, и обжигающая боль разлилась по его руке.

Али ахнул. Попытался пошевелиться и вскрикнул, когда острая боль прострелила плечо. Мышцы руки сковал спазм, и он сквозь зубы втянул воздух, сдерживая брань.

Поднимайся. Так и умрешь здесь, если сейчас не поднимешься. Но ослабшие ноги отказывались слушаться. Из носа хлестала кровь и заполняла рот, а он лишь беспомощно смотрел на скалы, остро очерченные на фоне яркого неба. В расселине внизу виднелись только песок да голые камни. Ничто живое по иронии судьбы здесь не задерживалось.

Али проглотил всхлип. Он понимал, что бывают способы умереть и пострашнее. Его могли бы схватить и подвергнуть пыткам враги отца, или ассасины — разрубить на части, лишь бы заполучить «доказательство» своего кровавого триумфа. Но, да простит его Всевышний, Али не хотел умирать.

Ты — Гезири. Ты веруешь во Всеблагодетельного. Не унижай своего достоинства. Дрожа всем телом, Али зажмурился от боли, силясь найти умиротворение в священных стихах, давным-давно заученных наизусть. Но это было нелегко. В обступающей темноте то и дело проглядывали лица близких, оставшихся в Дэвабаде: брата, чьего доверия он окончательно

лишился; подруги, чьего возлюбленного он убил; отца, который решил казнить Али за преступление, которого он не совершал. Их голоса мучили его, пока наконец Али не лишился сознания.

Проснулся он от того, что кто-то впихивал ему в глотку нечто совершенно омерзительное на вкус.

Али распахнул глаза и поперхнулся. Рот был полон чем-то хрустящим, с металлическим, *неправильным* привкусом. Перед глазами поплыло, но ему удалось сфокусироваться на фигуре широкоплечего мужчины, присевшего рядом с ним на корточках. Лицо проступало фрагментами: неоднократно сломанный нос, грязноватая черная борода, глаза с нависающими веками.

Глаза Гезири.

Мужчина положил увесистую ладонь Али на лоб и отправил еще одну ложку, полную мерзкого варева, ему в рот.

— Ешьте, маленький принц.

— Ч-что это? — давясь, спросил Али. В гортани так пересохло, что вопрос прозвучал слабым шепотом.

Джинн заулыбался.

— Сернобычья кровь с толченой акацией.

Желудок Али немедленно воспротивился. Он наклонил голову, чтобы вырвать, но мужчина зажал ему рот ладонью и начал массировать горло, пропихивая отвратный продукт в пищевод.

— Э-э, не надо так. Кто же отказывается от пищи, которую с такой заботой приготовил для тебя гостеприимный хозяин?

— Дэвабадцы, — раздался второй голос, и, посмотрев себе под ноги, Али заметил женщину с толстыми черными косами и лицом, словно высеченным из камня. — Никаких правил приличия. — Она подняла зульфикар и ханджар Али. — Превосходное оружие.

Мужчина показал Али узловатый черный корешок.

— Ели что-нибудь подобное?

Али кивнул, и он фыркнул:

— Глупец. Ваше счастье, что от вас не осталась горстка праха. — Он сунул под нос Али очередную порцию кровавистой дряни. — Ешьте. Вам нужно восстановить силы, чтобы вернуться домой.

Али слабо оттолкнул ложку. У него все еще кружилась голова, и он был в полном замешательстве. По расселине просвистел ветер, иссушив выступившую на коже влагу. Он поежился.